

Глядя на ребёнка, буквально свалившегося ему в руки, Чжоу Мань подумал, что мир окончательно сошёл с ума.

Ещё вчера он жил в 2014 году. Увидев в новостях, что его родную деревню Гуаньцзян накрыло мощным оползнем, Чжоу Мань не смог усидеть на месте. Память о земляках жгла сердце, и он, бросив всё, сорвался в аэропорт, долетел до города L, а там пересел на арендованную машину и помчался домой.

Чжоу Мань рано остался без родителей — вся деревня, от стариков до молодых матерей, кормила его по крупице, поднимая на ноги всем миром. Соседи в складчину отправили его учиться. После восьмилетки он окончил педагогическое училище и сразу вернулся в Гуаньцзян, мечтая отплатить добром за добро. Но через несколько лет грянула реформа образования: начальную школу в деревне закрыли, а детей перевели в центральную школу волости. Чжоу Маню не хватило квалификации, чтобы получить там место, и ему пришлось уехать на заработки.

В те годы он брался за любую работу: клал кирпич на стройках, вкалывал на заводах, перебивался случайными подработками. На скопленные деньги он открыл небольшой цех в соседней провинции и постепенно разбогател. Планы у него были простые: накопить побольше и проложить в родную деревню асфальтированную дорогу — он на собственном опыте знал, что богатство начинается с пути. Однако прежде чем он успел собрать нужную сумму, на город L обрушились небывалые ливни. Из-за многолетней вырубki лесов почва в горах вокруг Гуаньцзяна не выдержала, и на деревню обрушился колоссальный оползень.

Узнав об этом, Чжоу Мань обезумел от горя. В его голове пульсировала одна мысль: «Гу-по, дедушка Чэнь, тётушки... только бы вы были живы! Я ещё не успел отблагодарить вас, вы не можете уйти!»

Под проливным дождём он, точно раненый волк, бросился в горы спасать близких.

Громыкнуло. Чёрные тучи расколола молния, ударив в склон. Размокшая земля, лишившаяся корней деревьев, с оглушительным рёвом двинулась вниз. Десятки тысяч кубометров грязи в мгновение ока поглотили машину на лесной дороге. Когда навалилась тьма, Чжоу Мань, захлебываясь слезами и болью, думал лишь об одном: если он потерял всех, кто был ему дорог, то смерть на родной земле станет для него избавлением.

Он был уверен, что погиб. Шансов выжить в том месиве не было. Но реальность распорядилась иначе.

Когда Чжоу Мань снова открыл глаза, первым, что он увидел, был белый полотно противомоскитной сетки. В комнате царил полумрак, но всё вокруг было таким знакомым, что его сердце зашло в восторженном крике.

Он вскочил и принялся метаться по дому: вот пошатывающийся письменный стол, вот деревянная кровать, скрипящая при каждом движении. Выбежав во двор, он замер. Перед ним

рядами тянулись комнаты, и его спальня была крайней. В саду пестрели цветники: один прямой, другой — буквой «L». Там росли туи, красные и жёлтые канны, разноцветные бальзамины. Посреди двора высился цементный постамент с отверстием в центре. Чжоу Маню не нужно было подходить ближе, чтобы узнать его — это была площадка для флагштока.

Дрожь прошла его тело. Двор, выходящий фасадом на запад, девять комнат в восточном крыле... На севере — кладовка, затем четыре учебных класса, учительская, две жилые комнаты и, наконец, кухня на южной стороне. Напротив — спортзал для игр в дождливую погоду и сарай для бамбуковых метел. На воротах красовались лозунги: «Образование — фундамент векового плана» и «Растить дерево — десять лет, растить человека — сто».

Это была его школа. Старая начальная школа деревни Гуаньцзян! Но ведь её снесли и перестроили ещё в девяносто третьем... Неужели?..

Чжоу Мань бросился обратно в комнату. На старом, но чистом столе лежал дневник. На открытой странице чётким почерком было выведено:

«2 августа 1990 года».

Ему снова семнадцать. Он только что окончил училище и вернулся в родные края. Через месяц он должен сменить старого директора, Чэнь-агуна, став единственным учителем для четырех классов Начальной школы Гуаньцзян.

Реинкарнация. Чжоу Мань долго стоял посреди двора, проходя путь от шокированного неверия до ликующего восторга.

Судьба дала ему второй шанс! Теперь он сделает всё, чтобы разделить судьбу с деревней. Он не допустит вырубки лесов, сбережёт экологию и не позволит близким погибнуть под лавиной грязи. У него получится. На этот раз он не упустит ни единой возможности сделать Гуаньцзян процветающим.

В горле встал ком, на глаза навернулись слёзы. Но великие думы прервал самый прозаичный звук — в животе предательски заурчало.

Заглянув на кухню, Чжоу Мань обнаружил ожидаемое: ни зёрнышка риса. Денег у него после учёбы не осталось, запасов тоже. Выбирать приходилось между тем, чтобы идти просить еду у соседей, или добыть её самому. Несмотря на юное тело, Чжоу Мань ощущал себя сорокалетним мужчиной и не мог позволить себе нахлебничества.

Выудив из угла короткий стальной лом, он уложил его в плетёную заплечную корзину и отправился на гору за школой.

Деревня Гуаньцзян была исконным местом обитания народа яо, а про них говорили: «Нет горы,

где бы не жили я». Деревня и впрямь затерялась в глуши: до ближайшего посёлка было добрых тридцать километров. Школа стояла особняком между хуторами, а за ней высилась гора Мяобэй, переходящая в ещё более суровые и древние пики.

Чжоу Мань пробирался через кедровник в поисках дикого ямса — того, что здесь называли «шань-шу». Это растение ценили за обилие крахмала: сытное, ароматное, при варке оно становилось мягким и нежным. Обычно ямс рос на песчаных отмелях у реки, но из-за недавних ливней вода поднялась, и соваться туда было опасно. Пришлось пытаться удачу в лесу.

Он бродил уже полдня, так ничего и не найдя. И вот, когда он решил присесть и перевести дух, прямо с неба на него свалился ребёнок. Сработали рефлексy: Чжоу Мань вытянул руки и ловко поймал неожиданную ношу.

Время замерло. Чжоу Мань стоял, прижимая к себе находку, и они с Ин Фэйчи уставились друг на друга.

На взгляд Чжоу Маня, мальчишке было лет четырнадцать-пятнадцать (он напрочь забыл, что самому ему сейчас едва исполнилось семнадцать, чувствуя себя умудрённым жизнью дядькой). Ребёнок был худым, бледным, с тонкими чертами лица — красивый, но явно недоедающий. Волосы его были собраны в пучок и заколоты деревянной шпилькой, а за спиной висел узел, весь покрытый латками. Мальчик смотрел на Чжоу Маня огромными, полными изумления глазами.

«Из какого монастыря сбежал этот маленький даос? — мелькнуло в голове. — Но в горах Даяшань нет даосских храмов».

Ин Фэйчи, в свою очередь, разглядывал спасителя с не меньшим подозрением.

Перед ним стоял юноша лет восемнадцати-девятнадцати с бронзовой от солнца кожей. Выглядел он мужественно, но на голове у него красовался синий платок с вышивкой, а одежда была вовсе диковинной: тёмно-синяя безрукавка с красной каймой, распахнутая на груди, и широкие штаны до середины икр. На ногах — плетёные соломенные сандалии, а за спиной — огромный бамбуковый короб.

«Что за странные наряды у здешних людей?»

Молчание затянулось. Наконец Чжоу Мань, всегда любивший детей, пришёл в себя и спросил на официальном путунхуа:

— Ты не ушибся?

Ин Фэйчи, поняв речь, густо покраснел, осознав, что всё ещё сидит на руках у незнакомца. Он поспешно замотал головой:

— Я... я в порядке. Благодарю Маленького даоса за спасение. Вечно буду признателен за милость, но не соизволит ли почтенный опустить меня на землю?

Чжоу Мань поставил его на ноги, совершенно сбитый с толку. «Маленький даос»? Что за странное обращение?

Ин Фэйчи, почувствовав под ногами твёрдую почву, убедился, что падение из пустоты не стало для него роковым. Первым делом он сложил руки в вежливом даосском приветствии:

— Приветствую Маленького даоса. Осмелюсь спросить: сколь далёк отсюда путь до гор Куньлунь? И сколько вёрст до Южных пределов?

Слова звучали книжно и вычурно, резали слух. Куньлунь? Южные пределы?

Чжоу Мань окинул серьёзного мальчишку долгим взглядом и ответил:

— До Куньлуня отсюда... многие тысячи вёрст. А что до Южных пределов, то считай, ты уже в них.

Ин Фэйчи едва не подпрыгнул. «Здесь и есть Южные пределы?! Цинсюнь-цзы, старый лис, ты так мечтал моей смерти, но я не просто выжил — я добрался до Наньцзяна! Вот погоди, наберу учеников, создам свою школу и сотру тебя в порошок!»

— Послушай... — Чжоу Мань решил охладить пыл юноши. — Сейчас 1990 год от Рождества Христова. Ты находишься в деревне Гуаньцзян, волость L, уезд L, город L. Ты хоть понимаешь, что такое календарь, провинция или уезд?

Ин Фэйчи замер. «Календарь... Рождество... Это что, магические артефакты?» Он понял, что дело дрянь. О таких названиях он и слыхом не слыхивал.

Чжоу Мань, переживший собственное перерождение, начал догадываться, что здесь произошло.

— Малыш, ты откуда взялся?

Ин Фэйчи насупился. «Малыш»? Что за странные нравы в этом Наньцзяне? Он долго и настороженно изучал Чжоу Маня, прикидывая, сможет ли одолеть его в случае чего, и только потом ответил:

— Я — Ин Фэйчи, ученик старейшины Чудесных Методов из школы Ланфэн, что в горах Куньлунь. На путь бессмертия вступить ещё не успел.

Школа Ланфэн? Куньлунь? Чжоу Мань смутно припомнил какую-то популярную игру из своего «прошлого» будущего, где упоминались подобные названия. Кажется, всё стало ясно.

— Маленький даос, боюсь, ты провалился в другой мир. Твой Ланфэн и наша деревня существуют в разных реальностях. У тебя есть какой-нибудь амулет, чтобы вернуться? Если есть — лучше используй его сейчас.

Чжоу Мань сочувственно улыбнулся, поправил корзину и зашагал дальше. Солнце клонилось к закату, в животе урчало — поиски ямса были важнее пришельцев.

Но, пройдя шагов десять, он не выдержал и оглянулся. Мальчишка так и стоял на том же месте — крошечный, щуплый на фоне вековых деревьев, с видом совершенно потерянным и несчастным.

Сердце Чжоу Маня дрогнуло. Он вернулся.

— Ну что ты застрял? Почему стоишь?

Ин Фэйчи поднял на него глаза. В них сквозила тщательно скрываемая паника.

— Я... я не могу вернуться, — дрожащим голосом произнёс он. — Глава школы хотел моей смерти... Наверное, поэтому я здесь.

Глядя на эту смесь гордости и хрупкости, Чжоу Мань словно увидел самого себя — того мальчишку, что когда-то в одиночестве бродил по чужим городам.

— Ладно, — внезапно сказал он. — Идём со мной. В лесу полно змей, тебе здесь не выжить. Не бойся, я не причиню тебе зла.

Ин Фэйчи растерялся, но, заглянув в глаза юноши, увидел в них такое тепло, какого не встречал никогда в жизни. Комок подкатил к горлу, и он, сглотнув слёзы, просто кивнул.

Чжоу Мань широко улыбнулся и легонько потрепал его по плечу:

— Вот и славно. Пошли искать еду, а то к ночи совсем отошаем.

Ин Фэйчи украдкой утёр глаза рукавом и покорно последовал за своим странным спасителем.